

Неудача.

Я вся превратилась в одно томительное ожидание. Считала дни следования писем, прикидывала время ответа на них. При условии, что они были успешно отправлены, о чем мы с Джейн не могли знать: у неё не было связи с бывшей прислугой. Занятия отвлекали меня от невесёлых мыслей, я старалась не поддаваться унынию и мысленно готовилась к худшему, в случае неудачи моего предприятия. Падать духом было никак нельзя: вдруг бороться за освобождение предстоит дольше, чем предполагалось. Видя меня без явных признаков депрессии, хозяин повеселел, искренне думая, что я смирилась с неизбежным. Всё так же продолжал требовать доказательств моей любви, донимая своей неуёмной похотью. Он будто помолодел в предвкушении скорой женитьбы и отцовства.

Погрустневшая Джейн, вздыхая, посматривает на меня и, наконец, в ответ на мой прямой вопрос рассказывает, что в дом приходила полиция с иностранцами, и старик, пригласив гостей в кабинет, долго разговаривал с ними. Она подозревает, что это насчёт меня, но не уверена и просит не падать духом, не расстраиваться и продолжать надеяться и ждать.

Иностранцы... может, из посольства? Письмо!? Каков же результат разговора? Как это узнать? Хозяин не скажет, а я подведу слуг, которых тут же заподозрят в помощи мне. Я долго ломаю голову над этой загадкой, но мне не суждено ни о чем узнать. Старик, подозрительно поглядывая на меня, молчит, а я не спрашиваю ни о чем, тайно похоронив упования на помощь российского посольства. Остается призрачная надежда на второе письмо домой.

Как-то я стала свидетелем его телефонного разговора с Омаром, учившимся опять в Москве, куда он вторично перевелся (думаю, что из-за меня, дабы избежать проблем). Равнодушно слушала я уверения отца в том, что его бывшей невесте (он подчеркнул — бывшей) здесь хорошо и ему не следует беспокоиться обо мне. Забота о Лалле (отец с гордостью похвалился, что я теперь их единоверка) теперь полностью на нём. Меня не тронул разговор: я была уверена, что Омару безразлична моя судьба.

Высокий гость.

В доме ожидается важный гость — какой-то скороспелый нувориш-чиновник из молодых, так презрительно о нём отзывался Салман-ага. Представитель новой формации чиновников, стремящихся изменить старые формы правления на осовремененные по европейскому образцу. Вынырнувший неизвестно откуда, не из старой аристократии, как семейство хозяина, энергично пробивающийся вверх — типичный выскочка. Семье Салмана-ага от него что-то нужно, какие-то разрешения. Решено развлечь его моими танцами и баней. — Пока ты моя невеста... — многозначительно произносит старик. — Но об этом пока никому...

В нужный день встречают гостя, с приличествующими случаю церемониями. Семейка заметно лебезит перед видным невысоким мужчиной за 30. На торжественном обеде я руковожу прислугой и сама разливаю прохладительные напитки, и даже запрещенный алкоголь. Удобно расположившиеся на диванах мужчины с интересом следят за моими извивающимися движениями. Я старательна как никогда, хозяин одобрительно кивает. Улыбающийся гость что-то говорит хозяину, заинтересованно глядя на меня. Тот подзывает меня жестом, и я присаживаюсь на край дивана рядом со стариком. Тот рекомендует меня семейной гостьей, увлекающейся местными обычаями и принявшей истинную веру.

Чиновник пристально разглядывает меня и произносит что-то похвальное. Расспрашивает про Россию, говоря, что не был там, но мечтает побывать.

Уловив тревожное направление разговора, хозяин отсылает меня готовить баню высокому гостю. Я ожидаю мужчин у входа, раздаю им простыни и полотенца и занимаю место у горячей массажной скамьи. После растирания Салман-ага кивает в сторону гостя, расслабленно наблюдающего за мной. Я старательно тру и разминаю его тело под его внимательным взглядом. Гость обещает, что обязательно поговорит со мной ещё о моей Родине, на что старик незаметно кривится. Он отсылает меня к себе, и я ожидаю, сменив пропитанную потом рубаху. Придя довольным и посвежевшим после бани, где велись нужные разговоры с высоким гостем, севший на кровати старик жестом велит мне снять одежду, обнимает, целуя меж грудей. Долго втягивает в рот соски, потом целует живот, приговаривая, что там наверняка растет наш ребенок. Я равнодушно смотрю вверх, пока сластолюбец ощупывает меня, и покорно опускаюсь на колени меж его разведенных ног. Облизывая мягкие яички, выслушиваю кряхтение старика насчет неприличия молодых, позволяющих откровенно разглядывать чужих женщин. Выпускаю изо рта подтянувшиеся к основанию яички и увеличившийся кривоватый член, сажусь на него спиной к хозяину, ожидаю, пока он ерзает подо мной, удобнее устраиваясь. Крепко сдавив мои дрожащие груди, тот начинает неспешное движение вглубь меня.

Вечером в библиотеке, как и обещал, гость удостоивает меня беседы (я получила настойчивые рекомендации хозяина быть осмотрительной в разговоре). Мы говорим о российском образовании, что мне близко, о спорте (мужчина увлекается игровыми видами), о туризме (он удивляется тому, что я не путешествую). Хозяин демонстрирует радушие, участвуя в беседе, но я вижу, что гость симпатизирует мне. Ещё пока смутный неясный план зарождается в моей голове. Отосланная хозяином присмотреть за прислугой, готовящей гостевую комнату (мужчина ночует у нас), я уже чётче осознаю, что могу предпринять для своего освобождения. Незаметно кладу записку на подушку и прикрываю её одеялом.

Изнузив старика длительным минетом, жду, пока он начнет храпеть и, накинув халат, выскользываю из комнаты. Тихонько скользнув к гостевой, открываю незапертую дверь и подхожу к кровати, с которой на меня насмешливо смотрит неспящий гость. — Ну, и о чем ты хотела поговорить ночью? — улыбаясь. Подставив к постели стул и присев, пригнувшись, шепотом рассказываю гостю свою историю. — Если вы откажетесь помочь, то мне остаётся только покончить с собой, — печально заканчиваю я рассказ. Мужчина заинтересованно разглядывает меня, изобразив на лице нечто вроде сочувствия. — Да, нарушение закона присутствует, и насилие... Я правильно понял, что все четверо принуждали вас к предрассудительной добрачной связи? — Нет, не совсем так... Омар не принуждал... Но вообще, это так, — подтверждаю я. Мужчина размышляет, не сводя с меня задумчивого взгляда. — Если все это правда... хотя вы не выглядите измученной, то вы нуждаетесь в защите закона... Думаю, что смогу помочь вам... Предоставьте всё это мне и идите, чтоб не возбуждать подозрений. Обнадёженная, я впервые сплю без мучительных кошмаров.

Утром я записываю адрес Джейн, на всякий случай прощаясь с дорогой подругой. От протянутых украшений она испуганно отшатывается, шепча, что ей не поздоровится, если их найдут. Мы обнимаемся. Оставшись одна, я собираю драгоценности; кто знает, что меня ждет дома. Днем внезапно приезжают чиновники из министерства (я ожидала полицию), и при входе разыгрывается шумная драма. Вызванный с работы хозяин гневно отказывается

признать, что в доме насильно удерживается иностранная гражданка с просроченной визой. Он визгливо кричит, что это происки и наговор, и здесь только его невеста. Высокий гость твердо заявляет, что меня все равно придется отпустить, хотя бы для продления визы и для беседы. Если я подтвержу, что осталась в стране по собственной воле и собираюсь замуж, то после недолгих формальностей буду немедленно отпущена. На негнущихся ногах под пристальным взглядом хозяина, прижимая к себе пакет, спускаюсь к выходу и, не оборачиваясь, выхожу с мужчинами в деловых костюмах. Высокий гость остается побеседовать с моим тюремщиком, дав указания насчёт меня. Идя к впервые открытым для меня воротам, с трудом сдерживаюсь, чтоб не побежать, ежесекундно ожидая повелительного окрика в спину. Машина срывается с места; я, застыв, смотрю невидящими глазами вперед, не веря в реальность происходящего. Понемногу успокаиваясь, вспоминаю русские фразы, которые придётся произносить сейчас.

Гостя поневоле.

Меня привозят не в посольство, это частная резиденция. Озираясь, вхожу в просторный холл и оказываюсь перед молодой симпатичной женщиной с добрым лицом. Она участливо смотрит на меня, представляется женой Зияда (так зовут моего освободителя) и предлагает отдохнуть после всех испытаний, выпавших на мою долю. Прибавляет, что муж рассказывал обо мне, и она горячо сочувствует мне. Я оглядываюсь и не могу оторваться от телефона, совершенно свободно расположенного в холле. Заметив мой взгляд, женщина уверяет, что я обязательно позвоню, как только наберусь сил. Я умоляюще смотрю на неё, и она, улыбнувшись, протягивает мне свой мобильный. Много месяцев будучи лишённой связи, я не уверена, что справлюсь с сенсорикой, но прочный навык возвращается. Вопросительно смотрю на неё, и она, сверившись со справочником, показывает мне код моей страны. Путаясь в цифрах, я набираю маму — занято. Торопясь, пока приятная женщина сочувственно смотрит на меня и, ожидая привычного в этой стране подвоха, быстро набираю Пашу, чей номер помню наизусть, моля, чтоб он его не сменил. Один, второй, третий гудок... У меня начинают мелко трястись пальцы, когда раздаётся знакомое, почти забытое, родное «алё». Сбиваясь и запинаясь, я почти кричу. Он тоже кричит в ответ, забрасывая меня кучей вопросов и упреков. Немного подавив возбуждение, сообщаю, что скоро вернусь домой и уже почти в российском посольстве. Паша начинает переспрашивать, упомянув Омара и его семью, но я ничего не объясняю, заметив нетерпение прислушивающейся к незнакомой речи хозяйки. Ещё раз повторив, что свяжусь с домом уже из посольства, и прокричав, что всех их люблю, отдаю трубку, забыв поблагодарить. Приветливая хозяйка проводит меня в гостевую комнату и добавляет, что муж велел позаботиться обо мне до его прихода. Не выпуская из рук драгоценного пакета, я немного сижу в полной растерянности от внезапного спасения и разговора с дорогим человеком и, не в силах противостоять охватившей меня сонливости, валяюсь на кровать и мгновенно засыпаю. За окном слышно веселое щебетание птиц; несколько минут я лежу, наслаждаясь покоем и одиночеством. Озираясь в незнакомой вчерашней комнате с наглухо задвинутыми шторами, подхожу к окну и отвожу ткань. Прекрасное утро соответствует моему чудесному настроению в не менее дивный день освобождения. С улыбкой наблюдаю, как к машине за окном подходят супруги — мои спасители, оба молодые, красивые, стройные, в европейских одеждах, на её волосах — легкий шарф. В багажник загружают чемоданы, молодой супруг, поцеловав жену, захлопывает за ней дверцу и кивает водителю. Похоже, хозяйка уезжает, а я толком не поблагодарила её за

доброту.

С наслаждением принимаю утренний прохладный душ, впервые не боясь, что кто-то недобрый сейчас хозяйски войдет и станет принуждать меня. Одеваюсь в единственное платье и пытаюсь выйти навстречу свободной жизни. Дверь наглухо заперта. Я осторожно стучу, и мне открывает слуга. Не слушая меня, он протягивает завтрак на подносе и прибавляет, что хозяин уехал на службу, вернется к вечеру, за мной велено ухаживать и ни в коем случае не выпускать. Любезно прибавляет, что это для моей же безопасности. На массу моих вопросов не отвечает, ссылаясь на приход хозяина. На просьбу дать позвонить отрицательно качает головой. Немного разочарованной и встревоженной, мне ничего не остается, как провести день в одиночестве, листая журналы и лежа перед телевизором. К вечеру, устав от ожидания и безделья, засыпаю, Растолкав ото сна, позвали на ужин с Зиядом-ага, и я, оправив мятое платье, спешу разом разрешить все сомнения.

Сдержанно ведущий себя мужчина снисходительно выслушивает поток моих недоумений и терпеливо разъясняет, что до российского посольства, то оно сегодня не работает, рабочая неделя у него — всего 3 дня, придется немного подождать. Недоверчиво слушающей все это мне он примирительно добавляет, что его дом — в моем распоряжении, и я здесь дорогая гостья. Я вспоминаю про телефон, и он расстроено замечает, что связи пока нет, но как только её восстановят, я буду первой у аппарата. Всё это звучит так странно и подозрительно, что смутное беспокойство овладевает мной. Как о последней надежде, спрашиваю о хозяйке, и мужчина, расплывшись в улыбке, произносит, что она отбыла лечиться на курорт. На вопрос о её болезни, довольно отвечает, что жена ждет ребёнка и ей показан покой. Я бормочу поздравления и тут же спрашиваю, почему меня запирают и не выпускают. Откровенно разглядывая моё расстроенное лицо Зияд-ага повторяет, что для моей же безопасности. Поняв, что ничего от него не добьюсь, я все же уточняю, когда мы поедem в посольство. — В свое время, — отвечает он.

Новая сладкая тюрьма.

Поднявшись, он дает понять о завершении неудобной беседы и отпускает меня к себе, прибавив, что через пару часов я ему понадобится. Хмуро лежу я на кровати, глядя в потолок и отгоняя тревожные мысли. Хозяин ведет себя весьма необычно, но он же вытащил меня из тюрьмы... Да и что от меня может быть нужно ему, имеющему все!? Приходит все тот же малоразговорчивый слуга и ведет меня в домашнюю баню с бассейном. Кивает на сложенную простынь и дергает за край платья. Я отталкиваю его, но он настойчиво пытается помочь мне раздеться. Я кричу, чтоб он уходил — я сама переоденусь. Он протягивает руку за платьем, и я швыряю им в него. Мне тревожно и даже страшно. Странный дом, странный хозяин, странные слуги... Только женщина вчера была нормальной, но её нет рядом... Не меняя выражения лица, он уходит и, завернувшись в простыню, я вхожу в жаркую парилку. Лежащий на скамье мужчина кивает мне на соседнюю, и я присаживаюсь на край. Дикие мысли роятся в голове: неужели я сменила одну тюрьму на другую и тех насильников на этого.

Лениво лежащий, крупный мужчина с хорошей фигурой, улыбаясь, откровенно рассматривает меня и вспоминает, что не может забыть моих умелых пальцев тогда, в бане Салмана-ага. Я подавленно спрашиваю, что происходит, и потрясенно слышу в ответ, что ничего необычного, незнакомого мне. От меня ждут всего лишь того же, что я проделывала в прежней семье, и он надеется, что я постараюсь. С ужасом смотрела я на стремительно

меняющегося на глазах бывшего избавителя, превратившегося в нового тюремщика. Что-то лепетала про свое несчастье, про его добрую жену, просила сочувствия и видела в ответ становящийся все более вожделенным взгляд. Мужчина лицемерно произнес, что я не ценю добра и, видимо, забыла, откуда он меня вытащил. Я обреченно подошла и положила руки на его горячую широкую спину.

Растирая пот вместе с упавшими на его спину моими слезами, я горько беззвучно жаловалась на свою несчастливую судьбу. Он довольно побряхтывал и, перевернувшись, окинул меня взглядом с неприкрытым желанием. Оно явно обозначилось сквозь мокрую простынь, и я со страхом взглянула на большой бугор в его паху. Он положил теплую руку на мое бедро, прикрытое влажной от пота простынею. Машинально совершала массажные движения на смуглой волосатой груди, пока он поглаживал мою ногу, задирая все выше простынь. Скинув прикрывавшую бедра ткань, он положил мои руки на крупный, толстый, готовый к бою орган и подтолкнул их. Пока я мастурбировала скользкий, во взбухших венах пенис, он дернул вниз мою совершенно взмокшую ткань и удобно положил в ладонь трясущуюся грудь. Я отрешенно ощутила живые толчки в уставшей руке и капли вязкой спермы, попавшие мне на живот. Он благодарно взглянул на меня и отбросил ненужную простынь.

Усадив на свои колени, без церемоний просунул руку между ног и ввел пальцы в увлажнившуюся вагину. Рассказал, что мой бывший жених звонит ему и просит о встрече. — Разве он не арестован за преступление против меня? — наивно спросила я, ощущая тепло от его энергичных движений во мне. Зияд тонко улыбнулся: — Ну, зачем же так радикально? Почему сразу арестован? Не такое уж большое преступление он совершил. Его ждет всего лишь штраф за удерживание иностранки, и то если... — Если что? — прерывисто дыша из-за охватывающего меня возбуждения, спросила я. — Если найдутся свидетели твоего плена... — А разве вы не подтвердите? Вы же всё знаете? Толкнув меня, начавшую постанывать, на скамью, мужчина нагнулся и, продолжая толкаться во мне рукой, опустил другую на лобок. Массируя выступающий клитор, он все ускорял и ускорял толчки, и вскоре уже удерживал моё бьющееся в судорогах тело, не давая свалиться на пол. Первый со времен секса с Омаром оргазм накрыл меня, дав высвобождение той тяжелой негативной энергии, скопившейся внутри, пока я слишком долго оставалась рабыней ненавистной семьи. — Я ещё не принял окончательного решения насчет тебя. Салман-ага очень уговаривает вернуть тебя ему, уверяя, что вы любите друг друга. Верно, плохо ему там без тебя, что он как заведенный твердит, что все готово к свадьбе, — насмешливо глядя на меня, произнес новый насильник. — Салман-ага... ? К свадьбе... ? Зачем вы так поступаете со мной? Почему не отпустите домой? Почему лишили родины и свободы? Растирая выступившие соки по моему животу и трогая соски, мужчина снисходительно ответил: — Вопрос о твоём возвращении открыт. Я повторяю, что ничего ещё не решил... Не так быстро все делается... Вот поговорю завтра со стариком, посмотрю, что он предложит, тогда и подумаю, — спускаясь в бассейн, хладнокровно произнес мой нынешний хозяин. — Как завтра?... Зачем поговорите?... О чем?... — путаясь в вопросах, прокричала я. — Не надо нервничать заранее, — покровительственно ответил мучитель. — Кстати, ты не хочешь охладиться? Так приятно после расслабляющего массажа, ты не находишь? И отвечая на мой немой взгляд, пожав плечами, проговорил: — Я назначил ему встречу. Он готов нечто предложить мне... Если ты не намерена быть... лояльной ко мне... то мне придется... раз уж ты так любишь своего жениха... уступить ему и... Ты не составишь мне компанию?

Вскоре истерзав мои послушные губы, он поднимает меня на бедра и легко вводит член. Вода шумно плещется вокруг нас, темпераментно совокупающихся посреди бассейна. Я получаю порцию спермы нового лощеного насильника, не обратившего внимания на мои отчаянные попытки избежать попадания внутрь. Все красивые слова о современном мироустройстве, о женской свободе и правах оказываются блефом, как только очередной негодяй получает власть над беззащитной жертвой. Жертвой — вот кем была я здесь, в этой недоброй стране, меня насильников, без надежд на будущее. Вот уже новый тюремщик беспрепятственно входит в предоставленную мне комнату и похотливо осматривает моё, скованное испугом тело.

В хитросплетении интриг.

Осторожный стук в дверь раздаётся минут через 10 после того, как Зияд-ага проснулся и потянулся ко мне. Ночью он измучил меня непрерывными ласками, увенчавшимися не менее чем 3 оргазмами для него. Свои я не считала, но получила настолько полное удовлетворение, что мы оба спали как убитые и хорошо выспались. Он недовольно вывернул голову из-под моих ног и крикнул, что случилось. Слуга тихо ответил за дверью, что пришел тот, кому назначено. — Твой жених. Пусть подождет! Проводи его в кабинет, — приказал он и вновь вжался между моих ног. Я стою над ним, широко расставив бедра, сжав горящие груди, и терплю начинающийся жар внизу живота. Ловким быстрым языком, губами и зубами он терзает моё пульсирующее влагалище, крепко обняв мои ляжки, чтоб я не дёргалась. Все тело сводит от желания, зудит и горит, и, ощущая это, мучитель удваивает собственные усилия. Зажимая рот, я испускаю стоны и истекаю соками, тут же слизываемыми им. Выкатившись из-под меня, Зияд приникает к моей спине, чуть пригибает, и вставший член легко вскальзывает в хлопнувшее отверстие. Качаясь тесно прижавшись друг к другу, мы вслушиваемся в звонкое чавканье наших гениталий; мужчина, повернув к себе мое лицо, шутит по поводу этой музыки и впивается мне в рот. Когда наши горячие тела содрогаются в унисон, вывернутая шея нестерпимо затекла.

С сожалением выйдя из меня и ворча, что прервали столь сладкое занятие, Зияд запахивает длинный халат и удаляется, попутно прохаживаясь юмором насчет жениха, брошенной распутной невестой. Мне не смешно. Уже неделю лицемерный обманщик кормит меня обещаниями, что вот уже скоро будут готовы мои документы и меня примут в посольстве. Или дразнит меня тем, что вернет бузутешному жениху. Я боюсь только второго, потому как знаю, что из всех моих документов нужен только паспорт, а он надежно спрятан в кабинете чиновника. «Вылезший из грязи в князи» (по словам Салмана-ага), благодаря удачной женитьбе, и стремительно пролезший в столичную элиту, Зияд-ага тонко лавировал между старыми аристократическими кланами, пробивая себе удобное место под солнцем. Будучи на словах представителем новой формации чиновников, на деле лощеный делец не брезговал ничем, чтоб обогатиться и упрочить свое положение. Я была только разменной монетой в его делишках с семьёй старика. И очень боялась, что они договорятся. Мысль, что он увел из-под носа старинного аристократа лакомый кусочек — меня, забавляла циничного ловкача и предполагала зависимость того от Зияда-ага. И некие бонусы.

И ещё я подозреваю, что беременна. Уже дней 5. Я заранее ненавижу ядовитое семя, оставленное во мне похотливыми негодьями. И помалкиваю об этом, зная, что тогда уж точно Зияд отдаст меня в прежнюю тюрьму. И надеюсь на чудо. Может быть, вернется его жена, или в пику старику чиновник все же отвезет меня туда, куда я прошусь ежедневно.

Накинув большой мужской халат, тихонько выскальзываю из комнаты и крадусь по холлу к хозяйскому кабинету. Прильнув к двери, прислушиваюсь. Плохо слышно, мужчины говорят тихо. Произносят мое имя. Голоса приближаются, я прячусь за диван. Сгорбленный Салман-ага, шаркая ногами, идет к двери и тихо выходит. Он изменился. Зияд не появляется, и я проскальзываю в кабинет. Он поспешно закрывает сейф с бумагами и возвращается за стол. Перед ним плоская коробка, обтянутая атласом. Усмехнувшись, придвигает её: — Он просит тебя принять это и вернуться. Там очередное дорогое украшение, я со стуком захлопываю коробку. Опустившись к ногам сидящего мужчины, целую его руку: — Не отдавай меня ему... Я умру там... Верни меня домой... Возьми всё... — Как ты провезёшь всё это через границу? — внезапно интересуется он. Вся во власти безысходных мыслей, я только пожимаю плечами. — Так... Здесь есть чек... Хорошо. А больше, разумеется, у тебя квитанций нет... Ведь так? — вопрошает он. Тащит меня в супружескую спальную и, порывшись в тумбочке, на которой стоят свадебные фото в красивых рамках, вытаскивает пачку чеков. — Вот, разберёшься на досуге; отсчитай, сколько нужно, и чтоб примерно подходили к твоим.

Начав понимать, что к чему, я радостно обнимаю его и благодарю. — Ну вот, лучше, когда ты улыбаешься. Давненько ты не массировала меня. Иди, — хлопнув меня по попе и подтолкнув. Держа за затылок и резко загоняя набухший член мне в самое горло, выдергивает его и, поставив меня на колени на горячую кафельную лежанку, напористо ввинчивается в мой анус. Я пытаюсь вырваться; мертвой хваткой вцепившись в мои ягодицы, мужчина хрипит: — Ну не ломайся... Не притворяйся, что они не трахали тебя туда... Оставив сперму и ощущение тяжести в моем узком отверстии, пресыщенно заметил: — Как с вами европейками просто! Вас ничем не смутишь, вы на все согласны... В отличие от наших закомплексованных женщин... Я молча плачу и вновь ненавижу, ненавижу этого двуличного хитрого мерзавца, требующего платы всякий раз, как поманит меня лживыми надеждами.

Проходит ещё одна неделя в притворных хлопотах насчет моего возвращения домой. Мои упорные вопросы остаются без ответа, я существую в хитросплетении обмана, угроз, намеков, пустых ожиданий, тщетных надежд, густо приправленных неугасающим вожделением ловкого негодяя. Он тонко держит меня на сексуальном поводке, заставляя всякий раз раздвигать ноги после очередного звонка или встречи с бывшим престарелым «женихом». В другое время я ценила бы столь искусного мужчину, умеющего доставить истинное наслаждение женщине. Но я с тревогой прислушивалась к росшему во мне ядовитому семени, считала дни и опасалась, как бы не стало слишком поздно. Освобождение.

Утро не предвещало ничего необычного. Я привычно проглотила порцию спермы, обняв мужчину за ягодицы, придавившие мне лицо. Он сотрясся на мне, став необычайно тяжелым; потом чуть приподнял зад, вжался лицом в мою промежность и чуть прикусил клитор. Теперь уже я извилась под ним в мелких судорогах: далеко просунутым во влагалище языком он усиливал мои сладострастные муки. С сожалением оставив меня, любовник ушёл в душ, и тут в дверь позвонили. С нетерпением ожидая каждый день плохих или хороших вестей, будучи готова ко всему, я осторожно выглянула в окно: несколько мужчин в костюмах в сопровождении полиции ожидали хозяев. Сердце мое забилось, слабое предчувствие шевельнулось в груди.

Натянув платье на вспотевшее тело, прибежав раньше хозяина ко входу, ожидаю там. Встревоженный слуга осторожно прикрыл дверь и бросился в спальную, не обратив на меня внимания. Ставший серьезным хозяин, переговариваясь с прислужником, взялся за ручку

двери, внимательно посмотрел на меня, нервно застывшую при входе, придал лицу высокомерное выражение и распахнул дверь.

Мужчина с европейским лицом, окруженный местными чиновниками, предъявив бумаги, по-английски сказал, что разыскивает пропавшую российскую гражданку, въехавшую в страну около года назад. Есть ли что сказать по этому поводу господину Зияду-ага N*, так как поиски привели представителей российского посольства в его дом. Широко улыбнувшись, хозяин указал на меня, прибавив, что мы как раз собирались навестить консула. Я попала в его дом вчера поздно вечером (хитрый лицемер ошибся всего лишь на пару недель), и они с женой любезно предложили мне свое гостеприимство. Сотрудник посольства внимательно взглянул на меня: — Вы Елена N* (это моё полузабытое имя)? Почти не разобрал ни слова, я кивнула. Родная речь, такая любимая и далёкая, обожгла меня будто огнем, отняв силы и заставив стоять неподвижно. Мужчина средних лет, улыбаясь, что-то говорил мне о письмах, запросах из Москвы, из МВД, звонках по поводу моего исчезновения, а я, сцепив пальцы, не понимая ни слова, думала только об одном: могу ли я прямо сейчас ухватить земляка за руку и уйти вместе с ним, и не удержит ли меня опять кто-то или что-то. — ... проехать прямо сейчас? — уловила я окончание вопроса и, наконец, пришла в себя. — А вы... могли бы помочь мне собраться? — с трудом выдала я первую фразу на русском после года забвения. Он улыбнулся: — У вас так много вещей? — Тебе поможет слуга, — неискренне улыбнулся не потерявший самообладания Зияд. — Я боюсь вы уйдете, и я опять останусь здесь... — умоляюще прошептала я. Мужчина посерьёзnel и уверил меня, что они с полицией никуда не уйдут. Негнуцимися руками схватила я драгоценный пакет и оглянулась: смятая, в пятнах постель оставалась за моей спиной как символ всего, что я хотела забыть и проклясть в своей жизни.

В автомобиле доехали молча, никто не донимал меня. Да, то самое, светлое каменное здание в зелени, которое мне показывал Омар год назад. Меня завели в консульский отдел, усадили и принялись задавать вопросы. От потока фраз на родном языке у меня закружилась голова, я как-то сразу поверила, что почти дома, и не сказав ни слова, упала со стула без памяти.

Сидя у кровати, молодой секретарь-референт (его попросили посидеть со мной, надеясь, что в силу его молодого возраста я доверюсь ему) рассказывает мне, что моё письмо получили недавно и начали меня искать. Разъяснить тревожные факты, изложенные в моем письме, предложили Салману-ага N*, но свидетельств им не нашлось; семья уверяла, что, погостив у них, я уехала путешествовать по стране. Доказательств как этому, так и обратному не находилось, и поиски временно свернули, разослав ориентировки на меня во все полицейские участки. Никаких сообщений обо мне не поступало, и моя история грозила забвением, как внезапно из Москвы пришло срочное сообщение, что я могу находиться в доме государственного чиновника Зияда-ага N*. Что немедленно и было проверено, уведомив полицию и проведя совместный рейд.

Наличие письма я объяснить могла, но реакцию Москвы — нет. Родственников у меня там нет, знакомых тоже. Почему кто-то в столице заинтересовался мной? Запрос из МВД — пояснил молодой человек. Оставив все непонятное на потом, я ещё раз поздравила себя за то, что сражалась за свою свободу из последних сил. Последующий разговор с консулом был малоприятен. Я прослушала упреки в собственной инфантильности и бездумности. Оказывается, я виновата в том, что имея обратный билет, поручаю кому-то сдать его, не

продлеваю визу, когда она заканчивается, уезжаю из принимающей надежной семьи — родственников правящему дому — неизвестно куда путешествовать, одна, не зная языка, в недружественной к одинокой женщине обстановке. Потом тайно гощу у правительственного чиновника, не заявляя о себе, не отвечаю на звонки родных, заставляя их думать бог весть что и разыскивать меня. И устраиваю сцену в присутствии полиции и чиновников местного МИДа, заявляя посольскому советнику, что боюсь оставаться у приютившего меня хозяина — важного человека. — Почему вы выбрали для жительства здесь дома состоятельных женатых мужчин, а потом обвиняли их в предрассудительном поведении? — было общей темой упреков мне.

Позвонив домой маме, я коротко сообщила, когда прилетаю в Москву, и оборвала её причитания и попытки расспросов. Я постаралась забыть все подозрения на мой счет сотрудников посольства, как только села в самолет. Одетая в чужую одежду консульских жен, я вспомнила указания хитрого Зияда, когда предъявляла на таможне чеки на украшения. Прижимая к себе дорогой пакет, ни на минуту не заснула во время почти 7 часового перелета, тревожно прислушиваясь к гудению двигателей. Среди встречающих стоял Павел. Мы долго просто смотрели друг на друга, потом пошли на аэроэкспресс.

Друзья.

— Наш поезд в 20.25, — сказал Павел, — ещё есть время. — Я остаюсь, — ответила я. — Ты со мной? — Да у меня с деньгами не очень... — замылся друг. — У меня есть, — сказала я, и мы сдали билеты. В ломбарде я выложила перед оценщиком первое украшение. Купила себе одежду, сложив в пакет и выбросив чужую. В кафе с Wi-Fi по Пашиному телефону нашли дешёвую гостиницу и сняли номер на 2-х. Затем, поискав, я выбрала клинику поближе, где на сайте обещали за 2—3 дня избавить от беременности. Пошла туда одна и назавтра удалила омерзительную память о прошлом.

Ночью полились освободительные слезы, и я тихонько всхлипнула. Паша зашевелился на соседней кровати, подсел ко мне и положил на плечо руку. Инстинктивно я вздрогнула и сжалась в комок. — Ну что ты? Разве я обижу тебя? — прошептал он. Я сжала его руку и не отпустила, пока не заснула. Утром он так и спал, раскрытый, на краешке моей кровати, в неудобной позе. Я смотрела на него уже умытая и собранная, когда он раскрыл глаза и обратил на меня сонный взгляд. — Не хочешь рассказать, что с тобой там случилось? Почему рассталась с этим... твоим... Омаром? — выйдя из ванной и сядясь напротив меня. Я отрицательно качнула головой: — Потом... как-нибудь. — А про эти сокровища Али-бабы?... Откуда столько?... Я испугалась: — Ты только никому не рассказывай про них! — Мне ещё твоя жизнь дорога... И своя...

Дома надо мной дня 3 причитала мама и, наконец, рассказала то, про что смолчал Паша. Мой звонок из дома Зияда с мобильного его непосредственной жены обрадовал их с мамой, и они стали ждать моего следующего звонка и скорого прилета в столицу. Но я молчала и не давала о себе знать. Паша начал звонить на оставшийся в его сотовом номер, но там отвечал женский голос по местному, по-английски. Со счета сразу снимались огромные суммы денег, а понять, что отвечают, Павел не мог, так как в языке не силен. Он попросил поговорить с этой женщиной знакомого студента иныза, и, задав вопросы обо мне, они выяснили главное. Жена Зияда (женщина из телефона) любезно объяснила, что видела меня у себя дома только один день, но я уже давно в российском посольстве, куда меня отвез её муж — Зияд-ага N*. Прибавила, что я попала в скверную ситуацию и муж помог мне выпутаться из неё. Дальше,

найдя в Интернете телефон российского посольства в той стране, пытались звонить туда. Денег было потрачено много, а дозвониться они не могли. И даже единожды соединившись, не могли дозваться кого-нибудь соответствующей должности к трубке — с ними просто не стали разговаривать (это, наверное, консул-моралист — подумала я). Уже будучи уверенными, что со мной не все в порядке, хотели поговорить с Салманом-ага, который был так приветлив с мамой по скайпу. Но в доме Омара не отвечали на звонки. И тогда обеспокоенная мама обратилась в нашу полицию; они с Пашей рассказали все, что знали и просили помочь мне. Узнав, что я уехала туда с женихом и сама осталась там, полицейские просили не морочить им голову, мол, криминала нет. Мама записалась на прием к депутату и мэру, но попадала к ним только через месяц. А время шло. Паша разослал электронные письма городским чиновникам, в управления, министерства — везде, где указывали e-mail, но ответы не спешили. И тогда он обратился лично и в соцсетях к студентам сначала моего курса, потом вуза, потом всех вузов города. И откликнулась масса людей. И они стали пикетом возле городской администрации, и потребовали спасти меня в чужой стране. Развернули баннеры со слоганами вроде «Найдите Лену!» Их снимало телевидение, новость попала в Интернет и на центральные телеканалы. Под электронным заявлением в Управление МВД собирались подписи по всей стране. Дальше дело техники. К маме приехали следователи, и она рассказала, что знала, дав координаты семьи Омара и номер жены Зияда. Теперь никто не отмахивался от её слов, больше не считая их ерундой. В российское посольство в южной стране был послан запрос насчет меня с новым адресом поисков.

Как идти восстанавливаться в вуз после такой славы? Чем можно отблагодарить такую массу людей, вступившихся за меня наперекор равнодушию чиновников? Что именно я должна рассказывать о своем пребывании в экзотической стране? Должно пройти много времени, прежде чем я заживу нормальной жизнью. И перестану помнить.

— Видел я твоего... принца, — нехотя обмолвился Павел, сидя рядом со мной на детской площадке у нашего подъезда. — Угу... Где? — не глядя на него. — В Москве, когда тебя ездил встречать... — Нашёл его? — Следователи, которые вели твое дело, рассказали, где он теперь, — Паша назвал известный столичный вуз. — И что... он? — Ничего... испугался, когда меня увидел. Плел что-то про болезнь, про то, что ты сама решила там остаться, про своих родителей, как они тебя любят... Потом сказал, что ничего не знает о тебе сейчас... — Ну, поговорили?... — Закончили, когда я дал ему в морду... А он сказал, что у него и без этого проблемы из-за меня. Его ж вызывали, спрашивали... Я мну в руках свое же письмо домой, написанное там в минуты отчаяния. Оно дошло только что, добираясь почти 2 месяца. Хорошо, что его не прочитала мама. И Павел. Никогда не знаешь, что послужит твоим спасением; в моем случае им стал сразу же забытый мной единственный телефонный звонок с аппарата наивной жены сластолюбивого негодяя. Никто не мог предвидеть, какую бурю в мою защиту поднимут неравнодушные ко мне родные люди. Дома я рву письмо на мелкие кусочки и тщательно спускаю в унитаз.

Обойдя банки и почтовые отделения, я все же отправила денежный перевод (ещё одна побрякушка, сданная в ломбард) отважной Джейн на адрес её родителей. () Письмо от неё я получила много позже. По её сообщению, в семье Омара все по-прежнему, только хозяин долго болел, и жена преданно ухаживала за ним. Милой беременной супруге изворотливого чиновника я написала письмо с благодарностью, вложив туда чеки. А то как же она будет пересекать границу со своей шкатулкой!? Студентов своей группы я угостила в пафосном

ресторане; все тогда здорово напились за моё освобождение. И пьяно просили, чтоб я что-нибудь сказала на выученном мной восточном языке. Я больше не учусь с ними, мне пришлось восстановиться курсом младше.

— Сокровища Али-бабы? — кивает Паша на автомобиль. — Все таскаешь из пещеры? Никак не закончатся? — Уже мало осталось... Ты просто возьми его, не упрячься! — долго уговариваю его. — Ничего не хочу от этого уroda! Даже вспоминать! — отворачивается друг. — Это не от него. Ты не его вспоминай! Меня... Все, что сделал для меня. — Вот ещё глупости, за это — тачку!?! — сердится парень. — Ты бы тоже так поступила, и что, потребовала бы подарок потом?! — Конечно, нет! — я не уверена, что смогла бы поднять массы в чью-либо защиту, но проверять не хочу. — Вот что... Давай она будет нашей общей... Если ты не берёшь её в подарок, то води по доверенности когда хочешь. И пусть стоит у тебя... Будем ездить на учебу, куда-нибудь ещё... А то что мы все пешком? Паша задумчиво смотрит на меня: — Можно ко мне на дачу... Летом на море... если вместе? — Кто-то пытается меня шантажировать, или мне показалось? — смеюсь я. — Тебе показалось, но я пытаюсь! — шутит родной человек.